

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ Д. Н. ОРЛОВА

После смерти народного артиста республики Дмитрия Николаевича Орлова в его личном архиве обнаружены записные книжки, которые он вел с 1927 года.

Сначала от случая к случаю, а затем все более регулярно Д. Н. Орлов записывал мысли и впечатления, относящиеся к его творчеству в театре и кинематографии.

Эти записи являются своего рода литературным автопортретом талантливого художника, безгранично любившего правду в искусстве, очень скромно оценивавшего свой чрезвычайно большой на самом деле вклад в советское искусство и крайне взыскательного к себе. Они помогают понять путь Д. Н. Орлова к образам простых русских людей, о которых он писал в своем блокноте: «Здесь—моя правда, моя сила».

С. М. Эйзенштейн в статье «Истинные пути изобретания» (см. сборник «Избранные статьи») подробно писал о рождении режиссерского замысла образа кольчужника Игната в «Александре Невском». Записи Д. Н. Орлова освещают историю создания этого образа с актерской точки зрения.

Публикуем записи на нескольких страницах записных книжек Д. Н. Орлова, в которых отразилась его работа в кинематографии.

23 марта 1938 года

Снимался на пробу в кинокартине «Русь» в роли Игната-кольчужника. Как будто, складно.

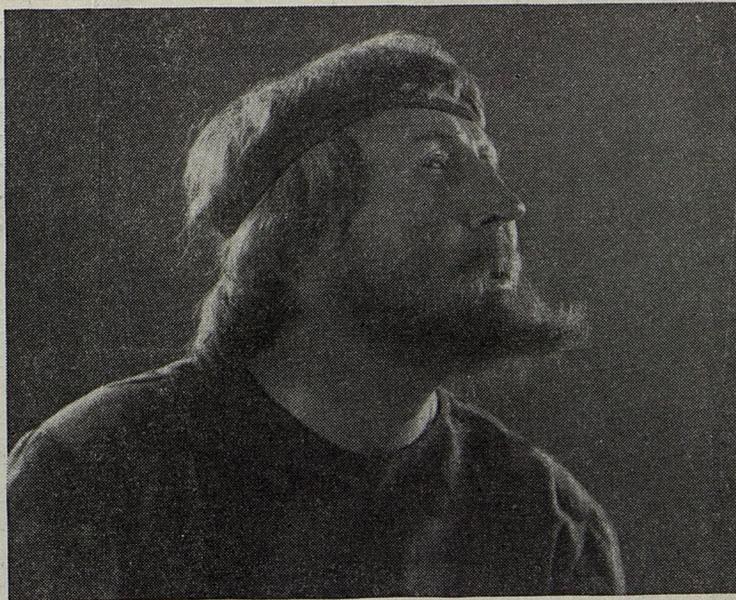
31 марта

Видел пробу в кино. Хорошо как будто... Хочется жить и жить. Говорил по телефону с К. С. Станиславским. Взволнован. К. С. сказал: «Если смогу вам помочь, помогу с охотой». Это на вопрос мой к нему: хочу понять, как лучше работать и как мне избавиться от ремесленных штампов.

11 ноября 1938 года

Сегодня вышла рецензия о картине «Александр Невский», в которой с 31 июля по 31 октября 1938 г. снимался я в роли Игната.

Надо признаться, я очень любил эту свою роль. Я любил С. М. Эйзенштейна, Е. С. Телешеву за их внимательное и ласковое отношение ко мне в работе. Вспомнил о пословицах и поговорках, которыми я украшал

небольшую по существу роль Игната; но это лишь «украшение», а суть-то решения роли не в этом.

Мне очень понравился сценарий, я плакал, читая. Понравился и Игнат. Я полюбил его. С охотой рылся в поговорках. Набралось их сверх меры, только держи. Сергей Михайлович Эйзенштейн шутя сказал: «Картина-то ведь называется «Александр Невский», а не «Игнат!»

Сергей Михайлович с большой теплотой и свободой работал со мною. Я чувствовал себя хорошо творчески.

Сейчас читаю книгу К. С. Станиславского «Работа актера над собой»—ищу радости и силы в ней.

15 ноября

Сегодня в кинотеатре на ул. Воровского состоялся просмотр «Александра Невского». Я как-то подавлен. Явно нехороший звук. Во сколько раз лучше звучала картина на фабрике. Правда, роль моя удалась, хотя вырезан «мост» и все мои на нем сцены.

125

Жалко, зря я мок и хмелел... Но это шутка, мелочь. Мне кажется, что я все же получу большую пользу: я больше увидел себя, чем за годы работы в театре.

1939 год, февраль

Прошло много времени, много всяких просмотров, рецензий хвалебных об «Александр Невском», в частности и об Игнате. Конечно, я никогда не предполагал, что работа в кино,—моя, разумеется,—столь громка и так увенчается. За исполнение роли кольчужника Игната в картине «Александр Невский» я награжден орденом «Знак Почета». Чего же больше!? Это так, по сути дела, неожиданно! Такая щедрая награда.

Недаром в день пробы на роль 23 марта 1938 г. я говорил по телефону с покойным К. С. Станиславским. Мы еще не можем понять, как важны для творчества беседы с гигантами искусства.

Повезло... Конечно. Но ведь что-то было все же в работе над Игнатом от меня? Думаю, что было, хоть немного. Вот так сказка!

Кстати о сказке. Ведь это за чтение «Догады» и других сказок пригласил меня С. М. Эйзенштейн на Игната-то! Не читай я сказок, значит не играть бы Игната. Аж дух захватывает, когда подумаешь, как необходимо работать и вне театра. Жить, работать полной мерой.

27 февраля 1939 года

Сегодня вручали орден за Игната. У Спасских ворот выдали пропуска. Вошли в Кремль в здание Президиума Верховного Совета СССР. Сделали проверку—все ли налицо. Волнение торжественное охватило всех, и меня. Ровно в 2 ч. дня вышли Мих. Ив. Калинин вместе с Г. М. Петровским и другими товарищами. Поздравили всех. Открылось заседание Президиума, стали выдавать ордена. Это торжественный момент. Внешне все спокойны, но, по-моему, все волнуются. Я видел, как у токаря одного завода, которому вручили медаль, тряслись, когда он сел на место, руки. Я думал, что буду спокойнее... Подошла моя очередь... Назвали мою фамилию... Сказали, что награждаюсь за роль Игната. Стало быть, мы с Игнатом сплетены, связаны! Михаил Иванович в одной руке держал мой орден, другой пожал мою руку, сказал: «Поздравляю вас с наградой». Когда я сел, у меня тряслись руки.

В 3.15 заседание окончилось. Снимались с Михаилом Ивановичем, около 4-х вышли из Кремля. На груди сиял орден. Шли вместе с Игорем Ильинским. Я пошел на телеграф, послал жене телеграмму. По дороге раза два пробовал—здесь ли орден. Казалось, все смотрят на меня ласково. Решил отпраздновать в одиночестве наш счастливый день походом в оперу. Купил билет на «Сусанина».

Какая это честь! Я полон желанием ответить на эту огромную честь новой работой. Я не останусь в долгу. Эта честь сейчас придает больше творческой смелости и уверенности. Было трудно, часто физически трудно (в настоящей кольчужке в жару), но оплатился этот труд сторицею.

Конечно, Умка* гораздо сложнее и труднее, но Игнат роднее, душевнее. Я думаю, не будь Умки глубокого, не могло бы быть и такого Игната.

28 мая

Хочу почуять свою, какая уж там она у меня есть, мудрость, проще—опыт лет. Театр, его условия жизни и работы наделяют нас многими наигрышами... Помнить всегда «познание себя», своих возможностей, своего движения. Ясно понимать и так же ясно и немногословно выражать—без наигрыша, без мусора...

Надо по пути вести в свободное от работы в театре время другую творческую работу. Силу искать, довольствоваться не только внешним признанием, а ощущением внутреннего удовлетворения. Ведь если оно верно возникает в себе, так это знак движения, роста.

Масштаб значения всякой работы определяется не захватанными, поверхностными словами. Значением. Зная в какой-то мере свои возможности, стараться расширить их, понимая, что не каждый шаг—открытие. Верить, радоваться и огорчаться от реального ощущения сделанного.

Равнодушие и скука губят искусство... Не поддаваться этой скуке... Не терять пульса жизни. Надо твердо поддерживать свой огонь в работе, свою радость преодоления.

Через три года, через преодоления равнодушия, горечи—я одолел себя.

Труд упорный над собой, знание себя и других, верное прислушивание к своему нутру—

* Роль Д. Н. Орлова в пьесе И. Сельвинского «Умка—белый медведь»; поставленной в те годы в Театре Революции.

вот что ведет к этому успеху. Буду работать сам, познавая и развивая свою индивидуальность: вот, мол, такой я, такого масштаба, стараюсь узнать больше, а узнавши, интереснее отдать свое другим.

А где чье место—все сие глубоко случайно. Внешнее полыхание, театральнй наигрыш,

хочу обратить в разумное, по моему пониманию, непрерывное, трезвое, простое выражение; чтобы этой простой жаждой двигаться вперед, пока есть большая охота быть возможно полнее, богаче и искреннее к людям.

А сделать хочется еще много! Нельзя терять аппетит и умение правильно трудиться.